

RU

Фонетические и морфологические черты говоров Тихвинского района на рубеже XX-XXI вв.

Лебедева Т. Е.

Аннотация. Цель исследования - описать фонетические и морфологические диалектные черты говоров Тихвинского района Ленинградской области в их современном состоянии на основе новых эмпирических данных. В статье анализируются записи диалектной речи, сделанные в диалектологических экспедициях в Тихвинский район на рубеже XX-XXI вв., и выявляются фонетические и морфологические черты говоров на данном этапе их существования в условиях взаимодействия с другими формами русского национального языка. Научная новизна заключается во введении в научный оборот новых данных о говорах Ленинградской области и выявлении наиболее устойчивых черт изучаемой диалектной системы. Результаты исследования отражают динамику говоров исследуемого района и создают основу для картографирования соответствующих фонетических и морфологических явлений.

EN

Phonetic and Morphological Features of Subdialects of the Tikhvinsky District at the Turn of the XX-XXI Centuries

Lebedeva T. E.

Abstract. The purpose of the research is to describe the phonetic and morphological dialect features of subdialects of the Tikhvinsky District of Leningrad Oblast in their current state, using new empirical data. The paper analyses the recordings of dialect speech made during dialectological expeditions to the Tikhvinsky District at the turn of the XX-XXI centuries and identifies the phonetic and morphological features of the subdialects at this stage of their existence in the setting of their interaction with other forms of the Russian national language. Scientific novelty lies in introducing into scientific use new data on the subdialects of Leningrad Oblast and in identifying the most stable features of the studied dialect system. The research findings reflect the dynamics of the subdialects in the studied area and create the basis for mapping the corresponding phonetic and morphological phenomena.

Введение

Тихвинский край в языковом отношении является сложным образованием; говоры этого района, как и другие говоры Ладого-Тихвинской группы, сочетают в себе «разнодиалектные с генетической точки зрения черты» (Галинская, 2002, с. 43).

Говоры Тихвинского района как отдельного региона в их современном состоянии не были объектом отдельного научного исследования. История изучения говоров данного района начинается в XIX в. Одним из первых описаний отдельных диалектных фактов, характерных для данной территории в XIX в., являются работа Н. Н. Соколова (1909; 1914) «Лѣтнія экскурсіи въ 1908 г. Поѣздка въ Тихвинскій уѣздъ Новгородской губерніи» и его же более поздняя статья «Диалектологическій матеріалъ по Новгородской губерніи, собранный Новгородскимъ обществомъ любителей древности». В своих заметках Соколов отмечал цельность тихвинских говоров, их незначительные отличия в лексике. Фонетические и грамматические диалектные различия исследователь трактовал как сохранение в говорах языковых фактов разных исторических эпох; кроме того, ученый указывал на архаический характер говоров тихвинского уезда по сравнению с говорами новгородского уезда.

Другие работы рассматривают говоры Ладого-Тихвинской группы в комплексе. Хорошо известна коллективная монография «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» (1970) под ред. В. Г. Орловой, где описание фонетических и грамматических особенностей говоров Ладого-Тихвинской группы сопровождается историческим комментарием. В монографии проанализированы диалектные черты, являющиеся продолжением собственно новгородского диалекта; отмечаются инновации, имеющие своим происхождением

северо-восточные территории; характеризуется опосредованное влияние южнорусских говоров на вокализм Ладого-Тихвинских говоров.

Более детально изучена история формирования фонетико-фонологической системы говоров Ладого-Тихвинской группы, ее эволюцию прослеживает Е. А. Галинская (1984; 2002), сопоставляя материалы трех синхронных срезов: XVI-XVII вв., к. XIX – н. XX в., середина XX в. Материалом исследования послужили тексты 46 рукописей Тихвинского Успенского и Александрова Свирского монастыря, записи Н. Н. Соколова, Н. В. Перетца, И. П. Хрущева, карты диалектологических атласов советской поры.

Некоторые данные, позволяющие судить о развитии морфологических черт говоров Ладого-Тихвинской группы, содержатся в диссертации Л. Ф. Копосова (2002) «Севернорусская деловая письменность XVII-XVIII вв. Орфография. Фонетика. Морфология». Автор не ставил задачи реконструкции истории диалектов на изучаемом пространстве, однако детально представил морфологическую систему, отраженную в актовой письменности.

Таким образом, довольно хорошо изученными оказываются процессы формирования фонетико-фонологической подсистемы говоров Тихвинского района, намечается история формирования морфологических особенностей данных говоров в XVII-XVIII вв., однако все названные работы характеризуют далекое историческое прошлое и состояние говоров Тихвинского района на последнюю четверть XX в.

Между тем со второй половины XX в. говоры все более подвергаются влиянию литературного языка и городского просторечия, уже в 1970-е гг. ученые констатировали возникновение разновидностей языка, совмещающих в себе черты диалектных систем, городского просторечия и литературного языка. «Коренные изменения общественного уклада, всеобщее образование, массовая печать, радио, телевидение сделали литературный язык истинно всенародным достоянием, главным средством языкового общения подавляющей части населения. С другой стороны, уходят в прошлое, нивелируются территориальные диалекты. Они не только перестали быть питательной средой для литературного языка, но сейчас уже в самой глухой деревне трудно отыскать стариков-старожилов, сохранивших диалектную речь в чистом виде. Сельская молодежь практически уже забыла свой диалект и говорит на литературном языке лишь с некоторыми фонетико-морфологическими особенностями и сравнительно редкими вкраплениями областных слов», – писал еще в 1978 г. К. С. Горбачевич (1978, с. 10). В научной литературе появляются термины «полудиалект» и несколько позже – «региолект». Т. С. Коготкова (1979) во Введении к монографии «Русская диалектная лексикология» определяет структуру современного говора как полудиалект, который можно описать как языковую структуру, «представляющую собой сплав существующих языковых элементов диалекта и литературного языка» (с. 6). Термин региолект «впервые... употребил в своей статье в 1991 г. петербургский диалектолог Валентин Иванович Трубинский (1927-2010)» (Цит. по: Супрун, 2020, с. 837). А. С. Герд (2001) конкретизировал это определение: региолект – это форма речи, «в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса стандартного литературного языка, а с другой – в силу наличия многих ареально варьирующихся черт не совпадающая полностью с городским просторечием» (с. 23-24).

Актуальность: в свете сказанного описание диалектных различий на данном этапе развития говоров представляет несомненный научный интерес, так как дает возможность проследить общее направление развития диалектных систем в условиях постоянного воздействия как литературного языка, так и других форм русского национального языка. Современное состояние говоров Тихвинского района изучено мало, прежде всего в связи с отсутствием языкового материала.

Задачи исследования: 1) провести анализ записей диалектной речи; 2) выявить диалектные черты фонетического и морфологического уровня; 3) систематизировать данные и тем самым определить наиболее устойчивые диалектные особенности и их локализацию на территории Тихвинского района.

Материалы исследования: данные диалектологических экспедиций 1996, 1997, 2009, 2010 гг. в Тихвинский район, предпринятых преподавателями и студентами филологического факультета ЛГУ им. А. С. Пушкина. Языковой материал представляет собой аудиозаписи диалектной речи, а также расшифровку этих записей в рукописной форме. Аудиоархив, рукописи и составленная на их основе картотека хранятся на кафедре русского языка и филологического образования ЛГУ им. А. С. Пушкина. На сегодняшний день указанные материалы частично опубликованы в (Лебедева, 2020а; 2020b), другая часть готовится к публикации. Всего проанализированы записи речи 45 информантов 1923-1963 г.р.

В исследовании используются следующие методы: структурный (анализируется фонемный состав языковых единиц, структура грамматических форм), описательный (применяется для изложения наблюдений над диалектной речью), контекстуальный (анализируется морфолого-синтаксический контекст каждой языковой единицы); ареальный (каждое языковое явление сопровождается географической пометой, что обеспечивает возможность использовать результаты исследования для построения изоглосс).

Теоретической базой исследования послужили труды, посвященные процессам взаимодействия разных форм русского национального языка – диалектов и литературного языка (Горбачевич, 1978; Коготкова, 1979; Шепина, 1992; Плешкова, 2012), формированию новой разновидности устной формы общения – региолекта (Герд, 2001; 2014; Супрун, 2020; Черемисина, 2015). В основе описания диалектных черт говоров изучаемой территории лежат исследования, отражающие системную характеристику диалектных различий в синхронии (Соколов, 1909; 1914; Русская диалектология, 1972; Образование севернорусского наречия..., 1970) и в диахронии (Образование севернорусского наречия..., 1970; Галинская, 1984; 2002; Копосов, 2002).

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по вопросам развития русского национального языка

в его разновидностях. Полученные данные также могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий по дисциплине «Русская диалектология».

Основная часть

На фонетическом уровне довольно широко представлено произношение [и] на месте [ѣ] в ударной позиции: *дѣйки*; *это от хлѣба* кусочки; *разбивали сѣно*; *положат на досчечку палок, а потом и бѣгаешь, собираешь*; *висѣла на этой ноге*; *а я с этой граби в одно мѣсто*; *на этих двух грядках и тилѣга*; *чем по снѣгу иди*; *жырѣчки двѣ* (д. Исаково); *стѣрня, сѣльница*; *Покосить мы ходили на горох*; *горох соберѣм, снопы завяжу, и вот такие делали вѣшала, и вот на [них?] вѣшали эти снопы*; *Вот картошку-то держу в засѣке, в подвале*; *некогда была вот тут-то сидѣть-то*; *да как у фсѣх, так и у нас* (д. Коськово); *така желѣзна штука, и за реку переѣдѣм* (д. Харитоновщина); *Баска по размеру мнѣ пришла* (с. Алеховщина); *Мы тогда бѣдно жили* (д. Горка); *Из работы ни вылазить, а уши брюхатая, ничиво ни ѣсть* (д. Абрамово); *Ат сонца занѣгунила сафсем мни, в глазах плывѣт* (д. Доможирово); *Всѣ уже домой пошли* (пос. Пашозеро); *Крыша у нас не течѣт, обдѣлка хорошая* (д. Ратилово). Более подробный анализ изменения [ѣ] в [и] по позициям в говорах Тихвинского района содержится в нашей публикации «Рефлексы фонемы *ѣ в говорах Тихвинского района: диахронический аспект» (Лебедева, 2016).

Отмечены отдельные примеры перехода [е] в [‘о] не под ударением: *Успѣнѣ, чѣрногѣловик, нахлѣбѣш, из своѣво* (д. Коськово); *вѣрхѣ* (д. Харитоновщина); *В эту вѣснѣ рано картошку посадили* (пос. Пашозеро); *незакономерный переход [е] в [‘о] на месте [е] из h – бесѣда* (д. Коськово); *переход [е] в [‘о] в ударном слоге в слове, где ударение падает на иной слог, нежели в соответствующем слове литературного языка – верѣтна* (д. Шугозеро). Было зафиксировано и отсутствие закономерного перехода [е] в [‘о]: *горшечек* (д. Исаково).

В нескольких словах сохраняется второе полногласие: *весь хлам на вѣрихи хранили* (д. Доможирово); *верѣх дома начал протекать* (д. Абрамово, д. Ваньково); *От работы гороб-то нажил* (пос. Пашозеро); *там коромной для скота насажу* (д. Харитоновщина); *на столобок веша дак вертиш* (д. Исаково).

Сохранение результатов 3-й палатализации отражено только в одной языковой единице – *черница* (д. Исаково).

В области согласных диалектных различий выявлено не так много. Твердый долгий шипящий зафиксирован в одном слове: *зашишѣнуть* (д. Коськово); в речи другого информанта долгий мягкий шипящий представлен как [сч] – *на досчечку* (д. Коськово). В говорах исследуемого района различаются две аффрикаты, лишь в речи двух информантов представлено твердое цоканье: *цѣло* (‘чело’, д. Вахрушево), *цѣтцы* (‘чепцы’, д. Исаково).

В одной записи отражено отсутствие чередования [к] // [ч]: *Вот у вас в городе высокѣнные дома-то, а здесь что...* (д. Харитоновщина).

Часто встречается упрощение группы согласных на конце слова: *а потом ставины есь* (д. Исаково); *это как вспашиш, сверху и есь* (д. Исаково); *грибы-та фсякии есь* (д. Коськово).

Диереза гласных отмечена в двух словах: *сѣрак, верѣтна* (2 примера) (д. Шугозеро).

Фонетические черты диалектной речи отражаются в бытовании общерусских слов. Перечислим основные фонетические явления: 1) диереза гласного в абсолютном начале слова: *...традиционные кушанья, всякие изысканные считалось лишество* (д. Коськово); 2) диереза начального слога с последующей ассимиляцией согласных: *Бабушка у меня порой говорила: «Не мани», это не ври, значит* (д. Харитоновщина); 3) ассимиляции согласных: *анбѣр, на ярманку* (д. Ругуй); 4) упрощение группы согласных как в срединном слоге – *замнуть и отомнуть* (д. Коськово), так и на конце слова – *Журавы тут у нас летают* (д. Харитоновщина); 5) замена [ф] согласным иной артикуляции: *картошь садили* (д. Доможирово); 6) изменение в фонемном составе а) заимствованного слова – *на пендию выѣду* (д. Харитоновщина), *женщина дохтуром была* (д. Абрамова Горка); б) исконно русского слова – *простокиша* (д. Коськово).

На уровне морфологии в имеющихся записях были выявлены диалектные формы существительных, прилагательных, местоимений, глаголов.

Существительные. Зафиксированы утрата т.н. наращенного и изменение существительного *время* по образцу слов ж.р. на -а: *Он сгибался под тяжестью берѣми* (д. Пашозеро). Однажды встретилась форма Р.п. мн.ч. сущ. м.р. с основой на [ц] с флексией -ов: *Раньше вѣдь сѣтѣв-то не было* (д. Коськово). Более многочисленны случаи синкретизма форм Д. и Т.п. во мн.ч.: *Валенки у нас раньше вот таки были с трубѣм – высокие такие до бедра* (д. Саньково); *за ним [за мужиками]*; *Навяжут снопы зерна, колосьѣм-то кверху* (д. Харитоновщина); *Ниткам своѣм вышивали – точивом*; *...клеткам оно [полотно] было*; *Раньше скот кармили мякинам* (д. Коськово); *Кажнае бревнышка выпилина рукам*; *Серпам стригли*; *Прокосы разбивали грабѣм* (д. Исаково).

В речи отмечено диалектное новообразование – форма сущ. ж.р. бывшего склонения на *ѣ – *свѣкрѣвья*, которое характерно для южнорусских говоров (Русская диалектология, 1972, с. 142).

Форма мн.ч. от сущ. *курица* образуется без усечения основы: *курицы* (д. Харитоновщина).

Прилагательные и местоимения. Многократно отмечаются усеченные формы прилагательных и местоимения *такой*: *Даже крахмальну варим, вы-то не едали, а это очень вкусна каша из крахмала с молоком*; *друга лежы – рука сломана*; *Поросята таки большѣ были*; *Стожар – палка така*; *така желѣзна штука* (д. Харитоновщина); *Валенки делать така трудная работа* (д. Коськово); *да печь большѣ топили*; *Я вѣдь не понимала, как я буду брать – маленька была*; *така еще штука деревянная коротенька*; *были козлы таки, на них была пила большѣ такая*; *И така ищѣ штука деревянная коротенька*; *там така подушка*; *и от задних таки две грядки*; *а к этим*

крёслам делались **таки** как жырдоочки **дв**и (д. Исаково); **А с крыши часто целы реки текут, когда дождь. Струё, застрекой; цела бочка и набезит** (д. Медвежий Двор); **Валенки у нас раньше вот таки были с отрубям – высокие такие до бедра** (д. Саньково).

Дважды отмечены формы И.п. ед.ч. м.р. с безударным окончанием **-ой**: **Он был такой маленькой, а бродни такие большие** (д. Мехбаза); **воробьешек крохотной такой** (пос. Ерёмина Гора).

В употреблении личных местоимений 3-го л. с предлогом в косвенных падежах встречаются формы без начального **н**: **вечером бараны приходя за им, с им** (д. Харитоновщина); **на её лён кладёшь** (д. Коськово).

Глагол. В д. Харитоновщина фиксируются формы 3-го л. ед. и мн.ч. наст. вр. без **-т**. Ед.ч.: **На лобогрейке потом работала. Бригадир коням правя. Он еде, а мне всё надо так захватывать, захватывать, чтобы снопы-то ещё и нажать; Мы говорили, что поедем, он нам оттуль написал, что не едите, операция не скоро буде; Надо буде сажу выпахать; ...вот ана где пяточку броси, до куль зерно долетит, мне нада идти прутьишки стави; Да и ф палате-та не лучше: адна лежы бизмозгая, ну, голая, по-нашему; друга лежы – рука сломана; ...вечером бараны приходя за им; сын катульки возьме** (но далее – **и домой понесет**); **Сеяли пяточкой: иде старуха**. Один случай был отмечен в д. Григоркино: **я ей и говорю: «Вона он иде»**.

Есть примеры безличного употребления глагола в 3-м л. ед.ч.: **Когда в колодце, в ледяной воде, руки так и своди** (д. Коськово).

Примеры во мн.ч.: **четыре поперёк сторон поставя, а пятым наверх закрывают, чтоб дождь не молотил; Потом вот это [сено] возя на ригу, молотя; Пока река не осохла, надо лес выгнать, а за пятнадцать километров гоня туды; Курицы без конца парятся, цыплят самы выводя; Бабы иду, снопы собираю, завязываю и ставя ф таки суслоны; А за пятнадцать километров гоня туды...; Внуки на реку сходя, ведро ракоф принесу; ...асины напиля примерно вот таки чураки; Дак вот ноженьки типерь не ходя, з дубиной и хажу; Дак мужыки гоня, а мы ззади за ним берега окатывам** (д. Харитоновщина).

Основной массив примеров употребления личных форм глагола 3-го л. без **-т** встречается в речи одного информанта.

В записях обнаружены два примера с вставным гласным в окончании личной формы глагола 3-го л. мн.ч.: **Берути ствол дерева, распиливают на клячи по длине лучины** (д. Ваньково); **...луку накрошати и яичек** (д. Коськово).

В области глагольного формообразования отметим употребление личного окончания 1-го спряжения при образовании формы глагола 2-го спряжения: **рубют, постелют, положут** (в речи одного информанта) (д. Коськово).

2-е л. ед.ч. буд. вр.: **да и легошь в одиннацать часоф** (д. Коськово).

Утрата интервокального [j]: **а мы ззади за ним берега окатывам** (д. Харитоновщина).

В речи одного носителя говора наблюдается употребление форм инфинитива без показателя инфинитива: **мне нада идти прутьишки стави; Крышу крыть, так фся челядня собиралась, каторые гожэ гвозь заколачива – их и собиру** (д. Харитоновщина); **Гляжу – лось, да я березинку выломил да прогнала** (д. Коськово).

Отметим единичный случай образования формы повелит. накл. с суффиксом **-и** в безударной позиции: **вот ты с той стороны, а я с этой граби в одно мисто** (д. Исаково).

Зафиксированы отдельные случаи образования формы прош. вр. от основы наст. вр. – **скачила** (д. Харитоновщина) и формы 2-го л. ед.ч. буд. вр. – от основы инфинитива: **Рано заслонку на печки закроишь – угорееишь** (д. Коськово).

Имеет особенности образование видовых пар глаголов: **Он у крестьянина живот накрал; Спички ложым подсушить** (д. Коськово); **ф стога ложут** (д. Коськово); **А куда дрова скласть** (д. Ваньково). Постфикс **-ся**: **считалося** (д. Коськово).

Отмечается перераспределение суффиксов страдательных причастий прошедшего времени: **нагнены ‘нагнуты’** (д. Коськово). Есть специфика в образовании деепричастий: **Сматрю – уж за реку ушоццы** (д. Ваньково); **В ясли проваливши** (д. Исаково).

Заключение

Были сделаны следующие выводы. Итак, анализ записей диалектной речи свидетельствует о сохранении традиционных черт говоров Ладого-Тихвинской группы в говорах Тихвинского района в речи некоторых носителей диалекта: изменение [ɛ] в [и] под ударением и в других позициях; отсутствие изменения [а] в [е]; различение аффрикат при сохранении цокающего произношения в отдельных словах; сохранение форм с вторым полногласием; наличие форм, отражающих незакономерный переход [е] в [‘о’]; синкретизм форм существительных Д. и Т.п. мн.ч. Эти черты можно считать, таким образом, наиболее устойчивыми в системе говора, не подверженными влиянию литературного языка.

В то же время под воздействием литературного языка нивелируется такая характерная севернорусская черта, как оканье.

Многие диалектные различия представлены одним-двумя случаями, что, с одной стороны, может объясняться недостатком фактических данных, а с другой стороны, свидетельствует о стирании диалектных черт, трансформации диалектной системы в сторону региолекта.

Более широкий территориальный охват языкового материала, в том числе лексического, в перспективе даст возможность, с одной стороны, отделить случайное от закономерного в развитии диалектных систем

в первой четверти XXI в., с другой стороны, локализовать сохраняющиеся диалектные черты и тем самым конкретизировать признаки региолекта в его диалектной составляющей.

Источники | References

1. Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М.: Изд-во МГУ, 2002.
2. Галинская Е. А. История формирования говоров ладого-тихвинской группы (фонетика, фонология): дисс. ... к. филол. н. М., 1984.
3. Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2001.
4. Герд А. С. Основные тенденции и параметры формирования региональных типов языка // Севернорусские говоры. 2014. № 13.
5. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1978.
6. Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология. М.: Наука, 1979.
7. Копосов Л. Ф. Севернорусская деловая письменность XVII-XVIII вв. Орфография. Фонетика. Морфология. М., 2002.
8. Лебедева Т. Е. Лексика говоров Бокситогорского, Волховского, Подпорожского и Тихвинского районов Ленинградской области (материалы к Словарю говоров Ленинградской области) // Art Logos (Искусство слова). 2020а. № 3 (12).
9. Лебедева Т. Е. Лексика говоров Лодейнопольского района (материалы к словарю говоров Ленинградской области, экспедиции 2002, 2006, 2010 годов) // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2020б.
10. Лебедева Т. Е. Рефлексы фонемы *ё в говорах Тихвинского района: диахронический аспект // Диалектная лексика - 2016 (к 90-летию со дня рождения О. Д. Кузнецовой) / отв. ред. О. Н. Крылова, С. А. Мызников. СПб.: Нестор-История, 2016.
11. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / под ред. В. Г. Орловой. М.: Наука, 1970.
12. Плешкова Т. Н. Процессы интерференции диалекта и литературного языка // Гуманитарный вектор. 2012. № 4 (32).
13. Русская диалектология / под ред. Н. А. Мещерского. М.: Высшая школа, 1972.
14. Соколов Н. Н. Диалектологический материал по Новгородской губернии, собранный Новгородским обществом любителей древности // Русский филологический вестник. 1914. Т. 71. № 1-2.
15. Соколов Н. Н. Лѣтнія экскурсіи въ 1908 г. Поѣздка въ Тихвинскій уѣздъ Новгородской губерніи // Русский филологический вестник. 1909. Т. 62. № 3-4.
16. Супрун В. И. Региолект vs диалект: новые поиски этнолингвистов (размышления по поводу книги: Донецкий региолект: монография / под ред. В. И. Теркулова. Донецк: Фолиант, 2018. 265 с.) // Неофилология. 2020. Т. 6. № 24.
17. Черемисина Е. В. О региолекте в современном языкознании // Перспективы развития современных гуманитарных наук: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Воронеж, 8 декабря 2015 г.). Воронеж, 2015.
18. Щепина Е. Н. Общепринятое слово в диалектной лексической системе: на материале имен существительных в брянских говорах: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 1992.

Информация об авторах | Author information



Лебедева Татьяна Евгеньевна¹, к. филол. н., доц.

¹ Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург



Lebedeva Tatiana Evgenevna¹, PhD

¹ Leningrad State University named after A. S. Pushkin, St. Petersburg

¹ te_lebedeva_1210@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 24.02.2022; опубликовано (published): 29.04.2022.

Ключевые слова (keywords): диалектология; фонетика; морфология; dialectology; phonetics; morphology.